

Володин К.А.

*Научный руководитель: доцент каф. юриспруденции Петрухина А. Н.
Муромский институт (филиал) федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
lliriknidolov@gmail.com*

Сделка о признании вины

Эволюция права на всех этапах его цивилизационного развития характеризуется взаимодействием частноправового и публично-правового регулирования различных сфер общественных отношений [1, с. 5], в том числе имеющие социально-экономический, политический и иной характер, в рамках конституционной, административной и процессуальных отраслей законодательства.

В последнее время все больший интерес исследователей привлекает вопрос широкого распространения частноправовых средств в уголовно-процессуальных правоотношениях [2], одним из проявлений которых является предусмотренный разделом X Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ) особый порядок судебного разбирательства [3]. Он включает в себя две самостоятельные процедуры: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). В науке они именуется как «сделка с правосудием», «сделка с виной» [4].

Согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ, по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. В свою очередь, ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ гласит о праве подозреваемого или обвиняемого заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. В этом ходатайстве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Таким образом, солидаризируясь с позицией Н. М. Хромовой, отметим, что особый порядок судебного разбирательства в обеих формах представляет собой процессуальный договор между участниками уголовного судопроизводства об установлении, изменении и прекращении уголовно-процессуальных прав и обязанностей, заключенный в установленной уголовно-процессуальной форме с соблюдением существенных условий и удостоверенный судом. Данный вывод находит свое подтверждение в выявленных схожих элементах норм гл. 40–40.1 УПК РФ и закрепленных в гражданском законодательстве общих положений о договоре (основания применения — предмет договора, содержание условий применения — существенные условия, обязательная письменная форма, назначение подсудимому наказания — цена договора).

Многие авторы будущее института сделки о признании вины представляют довольно оптимистично. Результаты отечественной судебной практики свидетельствуют о том, что в ряде регионов особый порядок практически вытеснил основной (однако поправки в УПК РФ сократили применение процедуры особого порядка рассмотрения уголовных дел). В 2020 году распределение дел между особым и общим порядком рассмотрения почти равное: 53 % уголовных дел рассмотрели в общем порядке, 47 % — в особом. При этом в особом порядке, который предусматривает признание обвиняемым своей вины, осудили 83 % фигурантов, в общем — 66 % [5].

Е. В. Корчаго, подвергая анализу plea bargaining в Европе, приходит к выводу о том, что переговоры о заключении сделки о признании вины давно являются реальностью в уголовном процессе в Соединенном Королевстве (Англия, Уэльс и Шотландия). Миф об американской

исключительности в этом вопросе совсем не соответствует действительности. По общему правилу считается, что сделка является эффективным инструментом уголовного процесса, поскольку резко снижает затраты обеих сторон по большинству рядовых дел и позволяет прокурору сконцентрироваться на более значимых из них [6].

Впрочем, существуют и иные точки зрения, в рамках которых сделка о признании вины подрывает аргумент эффективности процесса. Это вызвало волну споров, особенно после заимствования данного института странами континентального права (Франция, Италия, Польша, Аргентина). Неофициальные версии сделки о признании вины встречаются в Германии, Бельгии, Нидерландах и др.

Согласно статистическим данным, которые приводит Е. В. Корчаго в своей статье, 95 % всех приговоров в США — сделка; в Великобритании — 90 %; а в Италии — всего лишь 8 %. Приведенные цифры, с одной стороны — подтверждают важность *plea bargaining* в уголовном процессе, с другой, демонстрируют очевидное отсутствие успеха за пределами стран общего права, в частности в европейских странах с их инквизиционным уголовным процессом [6].

Что касается стран СНГ, то согласительные процедуры предусмотрены законодательством лишь пяти стран: России (как было указано ранее), Беларуси, Молдовы, Казахстана и Кыргызстана. Такое осторожное, если не скептическое, отношение к вопросу внедрения в национальное законодательство подобного института со стороны других стран вполне объяснимо, поскольку это может сопровождаться неоднозначной реакцией и до сих пор критически оценивается как научной общественностью, так и практическими работниками [7]. Например, были и остаются актуальными вопросы справедливости, когда виновное лицо может избежать наказания, связанного с лишением свободы (вследствие согласия с предъявленным обвинением или признанием вины), или значительно облегчить его (вследствие сотрудничества) [8]. Кроме этого, в Казахстане, Беларуси, Кыргызстане уже на протяжении длительного времени используется медиация как способ урегулирования конфликтов в досудебном порядке, которая сегодня воспринимается мировой общественностью как признак зрелости общества [9].

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что проблема, избранная в качестве предмета настоящего доклада, требует дальнейшего тщательного изучения. Использовать такой опыт в процессе совершенствования отечественного законодательства представляется целесообразным и необходимым.

Литература

1. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2011. 240 с.
2. Зайцев О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс», 2021.
4. Хромова Н. М. Особый порядок судебного разбирательства как процессуальный договор // Российский судья. 2019. № 5. С. 60–64.
5. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Корчаго Е. В. Институт сделки о признании вины: право и экономика // Мировой судья. 2019. № 12. С. 33–40.
7. Корнакова С. В., Мищенко Е. В., Мишин В. В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 176–186.
8. Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 37–38.
9. Филатова У. Б., Архипкина А. С., Некрасов С. Ю., Архипкин И. В. Медиация в уголовном процессе: анализ правового регулирования в Федеративной Республике Германия // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 824–832.